

РУССКИЕ «СКИФЫ»: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

В. В. Орехов

В сознании современного читателя литературное отождествление русского народа со скифами прочно ассоциируется с известным стихотворением А. А. Блока и вообще с литературными настроениями начала XX в., когда в 1917–1918 гг. в свет вышли два сборника альманаха «Скифы». Альманах объединил целый ряд полярно несхожих авторов (от А. Белого до Н. Клюева), и совершенно справедливо наблюдение Н. В. Новиковой, что тогда «литераторов разных творческих “конфессий”» сплотила «идейно-максималистская (“скифская”) позиция»¹. Однако заметим, что образ «русских-скифов» был взят на вооружение русской литературой гораздо ранее и А. А. Блока, и Р. В. Иванова-Разумника (редактора альманаха «Скифы»). Цель настоящей статьи – очертить историю литературного и межлитературного функционирования этого образа.

Называние русских скифами, а наряду с этим гуннами, татарами, калмыками и т. д. имеет давнюю европейскую традицию. Все эти названия употреблялись в Европе (и в первую очередь, во Франции) весьма часто и указывали на отдалённость русского народа от европейской цивилизации. «Скиф» служил синонимом «варвару».

Приведём характерную цитату из переписки Вольтера с Екатериной II. Вольтер находился под обаянием своей венценосной корреспондентки и, узнав о взятии Крыма, писал ей: «Как постыдно безрассудство молодых сограждан моих, с которым хотят они сражаться против Екатерины, между тем, как двести тысяч татар оставляют Мустафу для того, чтобы служить ей. Теперь татары просвещены, а французы стали скифами»².

Но важно, что если по отношению к французам название «скифы» выглядело почти оскорблением, то по отношению к русским оно воспринималось европейцами как вполне точная, а потому вовсе не обидная характеристика.

Ещё один эпизод. В 1800 г. будущий посол Сардинии в России Жозеф де Местр наблюдал в Италии солдат суворовской армии, о чём написал: «Вот они скифы и татары, пришедшие сюда с Северного полюса, чтобы перерезать с французами друг другу горло...»³. Заметим, что Ж. де Местр ненавидел послереволюционную Францию, а вскоре эмигрировал в Россию, где занял почётное место в светском обществе. То есть он вряд ли старался оскорбить русских, он просто называл их привычными, стереотипными именами: «скифы» и «татары».

В период политической напряжённости между Россией и Францией ассоциации со скифами или прочими варварами-кочевниками во французской литературе особенно актуализировались. По утверждению Е. В. Тарле, Наполеон воскликнул, обозревая горящую Москву: «Это они сами поджигают... Какая решимость! <...> Это – скифы!»⁴.

Так было в период наполеоновских войн, также было и в период противостояния в пору «Священного союза» и польского восстания. В 1830-е гг. П. Ж. Беранже в «Песне казака» создал портрет русского всадника, устремлённого

к Парижу не с самыми мирными намерениями. Казак взбадривает своего скакуна следующими словами:

Неси меня в убежище искусств!
К мятежной Сене мчись, в разлив просторный,
Уж дважды раны омывал ты в ней.
Встряхни же гривой, о, скакун проворный,
И в прах топчи народы и царей!⁵

Властителем казаков, по Беранже, оказывается «царь гуннов» (le roi de Huns), а сам казак называет себя «сыном Аттилы» (le fils d'Attila).

Французские литераторы могли и не именовать славян скифами или гуннами, но славянская история — в изложении французского литератора, например, А. Дюма — всё равно имела вид истории гуннов, кочевников. «Этот народ, — даёт историческую справку Дюма в путевых заметках, — <...> славянский народ — двинувшись из полуденной России, занял территорию, простирающуюся от Архангельска до Каспийского моря, то есть от Ледовитого до Огненного моря»⁶. Впрочем, чуть далее А. Дюма всё же не удержался и употребил-таки привычное сравнение: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожить. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар»⁷.

Бальзак в «Письме о Киеве» высказывался о возможном завоевании Россией всего мира и называл русские войска, занявшие в 1813–1814 гг. Европу, «великими ордами»⁸. Подобных примеров можно привести множество, поскольку отождествление русских с полудикими азиатскими ордами было самым распространённым шаблоном французского мировидения. Этот стереотип оправдывался уже самой территориальной преемственностью России от Скифии. Вот, скажем, книга Стендаля «История живописи в Италии». Автор рассуждает об истории, в связи с чем и пишет: «Всем известно, что около 400 года нашей эры обитатели Германии и России — люди самые свободные, самые отважные и самые жестокие, каких знает история, — возымели намерение переселиться во Францию и Италию»⁹. Россия воспринималась французами правопреемницей древних кочевых империй, а русские — наследниками варварского менталитета.

Для *французской* литературы этот вопрос был однозначно решённым, но важно, что *русская* литература подобному решению зачастую противилась, поскольку воспринимала его как оскорбление национального достоинства. Порою высокомерное отношение французов к русским как «варварам» виделось чуть ли не причиной исторических катаклизмов. В 1831 г. появился роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». Изображая поведение неприятельской армии в Москве, автор не говорит о случаях жестокости, об утраченных российских богатствах. Загоскин находит обстоятельство, на его взгляд, гораздо более трагичное для русских: Наполеон назвал русских, поджёгших Москву, «варварами» и «скифами»¹⁰. Офицер наполеоновской гвардии особенно находчив в эпитетах: «Они не варвары, а дикие звери!.. Мы думали здесь отдохнуть, повеселиться... и что ж? Эти проклятые калмыки... О! их должно непременно загнать в Азию, надобно очистить Европу от этих татар!»¹¹ Таким образом, Загоскин побу-

ждал читателя думать, будто одна из важнейших задач русских военных – вести себя на войне так, чтобы французы поняли, «что они ошибаются»¹².

На ту же мысль наводил читателя и роман Ф. В. Булгарина о войне 1812 г. – «Пётр Иванович Выжигин» (1831). Изображённый здесь французский посланник тоже представлял себе Россию «какою-то Скифией», а русских – «полуварварами»¹³. Впрочем, оба романа не смогли завоевать особенной популярности в отечестве, и ясно, что на стереотипы французов тем более повлиять не могли.

В этом отношении эффективнее оказалось личное знакомство французов с русскими военными, занявшими в 1814 г. Париж. Парижане воочию увидели и легендарных казаков, и калмыков и, как единодушно свидетельствуют мемуаристы, были в восхищении от русских. Вот воспоминания участника событий И. Лажечникова. «Хотя французы называют нас северными варварами, — замечал он в «Походных записках», — мы, однако ж, можем похвастаться перед ними учтивостью: как скоро, как благородно отплачиваем им московское посещение!..»¹⁴ И далее продолжал: «Разговаривая с француженками, спросили мы их: что они думают о северных варварах? — “Узнав вашего *императора*, — отвечала одна из них (самая любезнейшая), — узнав вас, государи мои, надобно признаться, что нас заставляли ужасно ошибаться на счет ваш. Мы раскрываем теперь глаза и видим ясно, что север может дать югу уроки милости, скромности и любезности”»¹⁵.

Русские военные ощущали себя в Париже культурными представителями России и в общении с парижанами сознательно конструировали свой положительный имидж. Напомним весьма типичную историю. Русский офицер и будущий декабрист Н. И. Лорер общался в Париже с некоей графиней Цецилией, о чём позднее написал в своих воспоминаниях следующее: «К графине Цецилии <...> я был вовсе не равнодушен; она это замечала, она видела хорошо, что я не варвар-вандал, и, узнав меня (так заносчиво мое самолюбие!), она, кажется, полюбила вообще всех русских. <...> Усмехаясь, она мне повторяла, что все мы русские – оригиналы, и что в откровенности нашего характера есть что-то рыцарское, и что мы умеем горячо любить, несмотря на то, что мы жители холодного севера»¹⁶. Период пребывания русской армии в Париже оказался эпохой самой интенсивной ломки французских негативных стереотипов. Однако после создания «Священного союза» эти стереотипы постепенно вновь завоевали во французском обществе права истин.

Но перенесёмся в более раннюю эпоху. В 1789 г. молодой писатель и представитель юного российского просвещения Н. М. Карамзин отправился в полуторагодовое странствие по Европе, после чего создал знаменитые «Письма русского путешественника». Среди прочего автор описывал свою парижскую встречу с учёным и писателем Ж. Ж. Бартеlemi, и вот как описывал: «Нынешний день молодой скиф К* (Карамзин. – В. О.) в Академии надписей и словесности имел счастье узнать Бартеlemi-Платона»¹⁷. Это прозрачная аллюзия: Бартеlemi принадлежит роман «Путешествие юного Анахарсиса», где любознательный скиф направляется в Грецию в поисках просвещения. Для нас важно, что Карамзин не отрешивается от подобной параллели, он добровольно входит в образ «русского-скифа».

Это объясняется тем, что в европейской традиции образ скифа (варвара) зачастую имел и позитивную окраску, поскольку Просвещение ассоциировало «не-

цивилизованность» с простотой нравов, естественностью жизненных устремлений, наконец, со здоровой физической и моральной силой. В таком контексте французский стереотип, отождествлявший русских со скифами, вовсе не оскорблял национального чувства. А потому клише французской литературы «русские-скифы» стало широко использоваться литературой русской. Разница лишь в том, что французская литература чаще использовала этот образ как негативный, а русская – всё настойчивее наполняла его позитивным значением.

В подтверждение такой традиции Д. В. Давыдов, например, рассказывая о партизанской войне против французов, был вовсе не прочь прибегнуть к чисто французским образным наименованиям. В «Дневнике партизанских действий 1812 года» он называл партизан «скифами», свой отряд – «ордою», а партизанские нападения на французские регулярные войска – «азиатскими атаками»¹⁸. Можно не сомневаться, что точно так же партизан называли и французские военные. Однако французские понятия на российской почве подвергались переосмыслению и переоценке, ассимилировались с понятиями чисто отечественными. А потому «скифы–партизаны» в изображении Давыдова выглядели не в пример достойнее регулярной армии французов, которых он именует «просвещенными варварами»¹⁹. Французский же штамп по поводу «российского варварства» в устах Давыдова обрел обновлённый, патриотический смысл. В 1836 г. он писал А. С. Пушкину об обзрении А. И. Данилевского кампании 1814 г.: «<...> Все сочинение проникнуто теплою любовью к России, что для меня, варвара, человека русского без всякой примеси бог знает как усладительно, особенно при настоящем духе общегражданства <...>»²⁰.

В том же ключе русской литературой был переосмыслен и образ «гунна-казака» из упомянутого уже нами стихотворения Беранже. В 1834 г. в Одессе в альманахе «Подарок бедным на 1834 год»²¹ был опубликован перевод «Песни казака», принадлежавший В. Г. Теплякову. И если во французском оригинале казак выглядел необузданным, стихийным завоевателем, то в транскрипции Теплякова он преобразался в представителя самобытной нравственной силы, некогда покорившего «крамольную Сену» и равнодушного к «витийствам» и «пустому щебетанию» Европы²².

Подверженные переоценке французские клише нередко использовались в частной переписке. Е. А. Баратынский накануне отъезда И. В. Киреевского за границу писал ему, в шутку переходя на язык заграничных понятий (1829): «<...> Пишу, чтобы уведомить тебя о благополучном моем приезде в мою татарскую родину <...>. Пиши мне из просвещенного Парижа, а я буду писать тебе из варварского Кирсанова»²³.

Такое использование русской литературой чисто французских мировоззренческих трафаретов («Париж – столица мира», «русские – скифы» и пр.) объясняется логикой развития русской литературы и культуры. Российское образованное общество и значительная часть литераторов той поры вместе с французским языком и литературой усвоили многие семантические константы, которые отражали французское национальное сознание. Русская литература в своих целях использовала эти константы как готовый художественный инструментарий.

В диалоге с отечественным читателем русская литература могла бы обойтись без подобного заимствования, но в общении с читателем европейским она неизбежно должна была «переключаться» в регистр европейских понятий, использовать «европейский код» при создании и прочтении текстов. Русские писатели вполне овладели этими приёмами, и, пожалуй, наиболее виртуозно в этом отношении использовал «зарубежный код» А. И. Герцен.

Уже в «Письмах из “Avenue Marigny”», изначально ориентированных на отечественного читателя (а позднее – и на западного), Герцен шутя входит в образ «русского–скифа». Упомянув в первом письме о «седых, почернелых памятниках» Европы, которые придают ей «слишком аристократическую физиономию», Герцен замечал: «Иногда как-то не по себе нашему брату, скифу, среди этих наследственных богатств и завещанных развалин <...>»²⁴. Пока это – лишь привычная для русской литературы игра *чуждой* метафорой. Но вскоре эта метафора стала обозначать для Герцена ту роль, которую он начинал играть в Европе.

Известно, что в 1849 г. социалист П.-Ж. Прудон обратился к Герцену с просьбой о деньгах на издание новой газеты. Герцен пожертвовал необходимую сумму, сам решил участвовать в создании печатного органа и в связи с этим писал Прудону 27 августа 1849 г.: «<...> Вы подписали соглашение с варваром, и варваром тем более неисправимым, что он является им не только по рождению, но и из убеждения. <...> Настоящий скиф, я с радостью вижу, как гибнет этот разваливающийся *старый мир* (курсив мой. – В. О.), и не испытываю к нему ни малейшей жалости; именно нам надобно поднять голос, дабы засвидетельствовать, что этот старый мир, к которому мы принадлежим лишь частично, – умирает»²⁵. В этом письме сформулировано дальнейшее жизненное кредо Герцена. За границей им был создан целый ряд произведений, призванных познакомить Европу с Россией и показать, что русский народ, «лишь частично принадлежащий старому миру», историей противопоставлен этому «старому миру». И в таком контексте роль «варвара», «скифа» выглядела гораздо более значимой и благородной, нежели роль представителя «цивилизованного», но «одряхлевшего» европейского народа. Эта мысль, как думается, весьма импонировала Прудону, поскольку в ответном письме он подхватил игру стереотипом и замечал в характере Герцена «варварский задор (*verve barbare*)»²⁶. К 1851 г. Прудон совершенно попал под обаяние «русского варвара» и писал: «Да, Герцен, Бакунин, я вас люблю, вы тут, в этой груди, которую многие считают каменной. У русских, у казаков (простите выражение) – я нашел больше души, решимости, энергии. А мы выродившиеся крикуны <...>»²⁷.

Герцен развивал свою мысль об особой миссии русского народа не только в письме к Прудону. В том же 1849 г. он опубликовал в Германии книгу «С того берега», где поместил на немецком языке статью «Россия», подписав её «*Варвар*». В том же году эта статья появилась во французском переводе в газете Прудона «*La Voix du Peuple*». Европейские читатели имели возможность оценить, что *Варвар* не просто пишет о России на европейских языках, он ещё и пишет о ней, используя европейские понятия и стереотипы. Через год эта статья выросла в отдельную брошюру «О развитии революционных идей в России», также поначалу изданную по-немецки (1851), а чуть позже – по-французски (1851, 1853). И здесь

европейский читатель снова нашел привычные, отшлифованные европейской публицистикой и литературой формулы оценок российской действительности: и развращённость российского двора, и кюстиновское определение России как «фасадной империи», и дикость народных нравов. Но эти формулы были использованы таким образом, что рождали у европейца совершенно новые и понятные ему мысли о России.

Приведём из этой брошюры выдержку о русских народных песнях, о которых до Герцена писал почти всякий французский путешественник по России. Европейцы обычно замечали в русских песнях тоску, вызванную крепостным рабством. Герцен акцентировал внимание на иной их грани. «Существует особый разряд русских песен – разбойничьи песни, – внушал европейцам Герцен. – То уже не грустные элегии; то смелый клик, в них буйная радость человека, чувствующего себя, наконец, свободным, то угроза, гнев и вызов: “Погодите-ка, мы придем. Будем пить ваше вино, ласкать ваших жен, грабить богачей...”»²⁸ Но самая дикость русского народа в изображении Герцена выглядела как первобытная нравственная сила, славяне – как «умная, крепкая раса, богато одаренная разнообразными способностями»²⁹, образованное дворянство – как будущее просвещения и справедливого переустройства мира.

В интерпретации Герцена образ «русского варвара» снова приобретал тот экзотический и благородный ореол, которым некогда снабдил этот образ Вольтер в поэме «Русский в Париже». Вольтер написал её в 1760 г. под псевдонимом *Иван Алетов*. Русский герой поэмы осуждал французскую жизнь с позиций стороннего, нравственно здорового наблюдателя. В 1796 г. этот сюжет переосмыслил в контексте новой политической ситуации поэт Леклерк де Вож, издав поэму с тем же названием – «Русский в Париже». Русский путешественник снова выступал как независимая личность, осуждающая несовершенство французской жизни³⁰. Ко времени Герцена этот тип – «просвещенный русский во Франции» – почти вовсе забылся, его место заняли представления о культурном и нравственном упадке русского народа. Герцен упорно пропагандировал *вольтеровский* имидж русских и не менее настойчиво боролся с негативными стереотипами. Именно защита русских от оценок стереотипных, предвзятых вынудила Герцена в 1851 г. вступить в печатную полемику с известным французским историком Ж. Мишле по поводу его «Легенды о Костюшке», где высказывались довольно оскорбительные суждения о русском народе. Герцен предлагал Мишле собственную трактовку и российской истории, и русского национального характера, а когда обнаружил, что Мишле вполне принял его точку зрения, то извинялся перед Мишле за свою резкость, и извинялся в том духе, который соответствовал создаваемому Герценом благородному имиджу «русского скифа». «Я вполне надеюсь, – писал Герцен, – что вы простите те места, где я увлекся своею скифскою горячностью. Кровь варваров недаром течет в моих жилах»³¹.

Образ «русского-скифа», разрушающего или перестраивающего «старый мир», актуализировался в литературе в периоды противостояния между Россией и Европой (в эпоху нашествия Наполеона, в эпоху французских революций 1830 и 1848 гг., польских восстаний 1830 и 1863 гг., в эпоху Восточного кризиса). Евро-

пейская литература изображала «русского-скифа» как извечную угрозу для цивилизации со стороны «азиатского варварства», использовала этот мифологизированный образ как рычаг воздействия на общественные настроения. Одновременно русская литература, качественно переосмыслив этот образ, превратила его в один из символов русской национальной силы и самобытности. Вполне закономерно, что в период очередного российско-европейского противостояния в 1917–1918 гг. русская литература снова обратилась к осмыслению «русского скифства». Это было продолжением развивавшейся традиции, адаптацией традиции в условиях новой культурно-исторической ситуации. В стихотворении А. Блока эта традиция приобрела значение итоговости, преломилась в настолько отточенной и яркой форме, что именно блоковское изображение «русского-скифа» стало каноническим в представлениях большинства современных читателей.

¹ Новикова Н. В. Р. В. Иванов-Разумник — редактор и автор журнала «Заветы» (1912-1914) // Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы». — Саратов, 2007. — С. 8.

² Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. В: 2-х кн. — М., 1803. — Т. 2. — С. 55.

³ Местр Ж. де. Петербургские письма (1803 — 1817). — СПб, 1995. — С. 9.

⁴ Тарле Е. В. 1812 год. — М, 1959. — С. 271.

⁵ Беранже П. Ж. Полное собрание песен: В: 2-х т. — М.-Л, 1935. — Т. 1. — С. 586; *Béranger. Oeuvres complètes de Béranger*. 2 v. — Francfort s/M., 1855. — V. 2. — P. 41.

⁶ Дюма А. Кавказ. — Тбилиси, 1988. — С. 22.

⁷ Там же. — С. 149.

⁸ *Balzac H. de. Lettre sur Kiew // Balzac H. de. Oeuvres complètes*. — P., 1963. — V. 28. — P. 529.

⁹ Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. — М., 1959. — Т. 6. — С. 5.

¹⁰ Загоскин М. Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. — М., 1986. — С. 239.

¹¹ Там же. — С. 238.

¹² Там же. — С. 127.

¹³ Булгарин Ф. В. Петр Иванович Выжигин // *Булгарин Ф. В. Полное собр. соч.* В 5-ти т. — СПб, 1839-1843. — Т. 4. — С. 45.

¹⁴ Лажечников И. Походные записки русского офицера. — СПб, 1820. — С. 228.

¹⁵ Там же. — С. 238.

¹⁶ Лорер Н. И. Записки декабриста. — Иркутск, 1984. — С. 320.

¹⁷ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2-х тт. — Л., 1983. — Т. 1. — С. 342.

¹⁸ Давыдов Д. В. Сочинения. — М., 1962. — С. 355, 370.

¹⁹ Там же. — С. 400.

²⁰ Давыдов Д. В. Соч. В 3-х тт. — СПб., 1893. — Т. 3. — С. 210.

²¹ Тепляков В. Г. Книга странника: Стихотворения. Проза. Переписка. — Тверь, 2003. — С. 488.

²² Там же. — С. 189-190.

²³ Баратынский Е. А. Стихотворения. Проза. Письма. — М., 1983. — С. 217.

²⁴ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 3. — С. 21.

²⁵ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 9. — С. 366.

²⁶ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 5. — С. 451.

²⁷ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 6. — С. 541.

²⁸ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 3. — С. 430.

²⁹ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 3. — С. 396.

³⁰ Берков П. Н. Изучение русской литературы во Франции (Библиографические материалы) // Литературное наследство. — М., 1939. — Т. 33-34. — С. 760.

³¹ Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. — М., 1955-1958. — Т. 7. — С. 335.